

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения

А.А. САЛМИНА

В условиях роста социального неравенства в положении различных групп населения изучение запросов россиян к государству на снижение этого неравенства и социальную поддержку становится более актуальным. В статье представлены результаты исследования, которое позволяет дать ответы на некоторые важные вопросы, касающиеся как специфики социальных запросов россиян в сравнении с другими странами, так и факторов их формирования, в том числе связанных с групповой принадлежностью, определяющим это своеобразие. Основой эмпирической базы исследования послужили данные Европейского социального исследования за 2008 г. Отдельное внимание в работе уделено влиянию структурной неоднородности на социальные запросы населения. Для этого при анализе социальных запросов были учтены различные основания социальной стратификации, такие как профессиональный статус, уровень дохода, образования и прочие. Понимание этого очень важно для оценки перспектив и тенденций динамики социальной структуры российского общества и эффективного формирования социальной политики в нашей стране. Особенно важно это понимать сейчас, спустя два десятилетия после начала либеральных преобразований, когда в целом сложилась и модель реализуемой социальной политики, и представление россиян о социальной роли государства в новых условиях.

Ключевые слова: социальные запросы, социальное неравенство, социальная поддержка, социальные группы

В современном виде нынешняя политика государства в сфере социальной поддержки и защиты населения в России была сформирована сравнительно недавно, в 90-е гг. XX в. Тогда произошел резкий переход от социалистической системы, при которой государство брало на себя ответственность практически за все сферы социальной политики, к резкому сокращению социальных расходов и уменьшению социальных обязательств государства до минимально возможного. Так, в 2007 г. объем социальных расходов на выплату пособий и социальную помощь составил в России 8,9% от ВВП. В то же время в Европейском Союзе в среднем доля социальных расходов от ВВП составила 26,2%, варьируясь от 11,0% в Латвии до 28,4% во Франции (рисунки 1). Несмотря на либеральную направленность социальной политики, нельзя говорить о том, что на сегодняшний день в России уже сформировалась определенная ее модель. По поводу выбора наиболее оптимальной для России социальной политики до сих пор ведутся споры между сторонниками либеральной и более «мягких» ее вариаций. При этом если экономисты рассуждают

о бюджетных ограничениях и институциональных возможностях [Якобсон 2006], то социологи обращают внимание на мнение самого населения, его потребности и проблемы, что крайне важно для легитимного в глазах россиян формирования основных направлений социальной политики государства [Тихонова 2006; Аврамова 2006; Шкартан 2006].

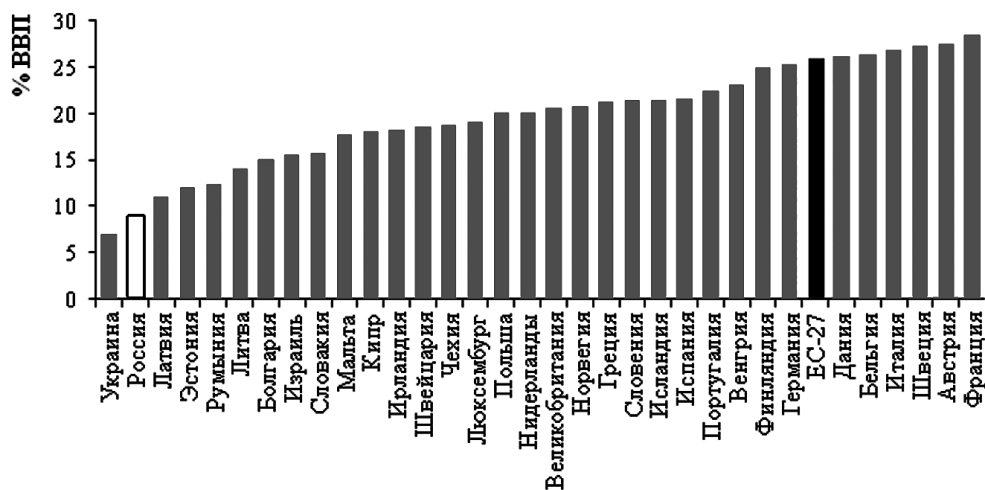

Рисунок 1. Объем социальных расходов в странах ЕС-27, Исландии, Норвегии, Швейцарии и России, 2007 г., % от ВВП¹

В чем же специфика запросов россиян по отношению к социальной политике государства, в частности, в сфере снижения неравенства и социальной поддержки населения? В чем их сходства и отличия с запросами населения других стран? Особенно важно это понимать сейчас, спустя два десятилетия после начала либеральных преобразований. Если в самом начале этих реформ еще можно было ссылаться на инерцию общественного сознания и на исторический опыт двадцатого столетия, в течение которого россияне успели привыкнуть к тому, что государство берет на себя ответственность за удовлетворение большинства социальных потребностей, то сейчас уже можно говорить о том, что у россиян сложилось новое представление о социальных функциях государства. От того, насколько принимаемые руководством страны решения соответствуют ожиданиям и запросам населения, во многом зависит успешность реализации социальной политики государства в целом. Этим диктуется необходимость определения специфики запросов россиян к государству в социальной сфере, в том числе – и в сравнении с другими странами.

Социальная политика российского государства характеризуется сегодня ориентацией на адресную помощь беднейшим слоям населения с сохранением глубокого социального неравенства в стране. Однако регулирование неравенства является одной из важнейших функций, которое должно реализовывать социальное государство, каковым по Конституции и является Россия. Нерешенность социальных проблем в стране и рост глубины неравенства, как отмечает в последнее вре-

¹ Источник: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0439/barom01.php>. Объем социальных расходов в России приведен по данным НИСИ без учета расходов на образование, здравоохранение и спорт, культуру и СМИ (источник: http://www.socpol.ru/research_projects/doc/Table_Social_Expenditures_2002-2008_rus.pdf).

мя и руководство страны, вызывает рост социальной напряженности, что в итоге может привести к возникновению социальных конфликтов в обществе. Но важны не столько показатели неравенства, сколько то, насколько они легитимны в глазах населения. И это, пожалуй, одна из главных и мало изученных в современной российской социологии проблем. В то же время она заслуживает особого внимания – ведь если существующее в стране неравенство нелегитимно с точки зрения населения, то во избежание социальных конфликтов и роста социальной напряженности при формировании социальной политики государства необходимо уделять особое внимание задаче сокращения уровня неравенства.

С проблемой регулирования неравенства очень тесно связана политика государства в сфере социальной поддержки и защиты населения. По сути, меры социальной поддержки населения выполняют функцию компенсирования избыточного или нелегитимного социального неравенства. Поэтому очень важно понимать, какие запросы предъявляет население к государству в сфере социальной поддержки – как в целом, так и по отдельным направлениям (обеспечение занятости, здравоохранение, пенсионное обеспечение, защита семьи и др.), насколько Россия уникальна в этом отношении по сравнению с другими странами, и в какой степени эти запросы обоснованы. В этой связи представляется важным провести сравнение мнения россиян по ряду ключевых вопросов социальной политики с мнением населения других европейских стран. Такое сравнение позволит более четко определить, ближе к каким странам находится Россия по характеру социальных запросов к государству ее граждан, а также опыт реализации какой из моделей социальной политики может оказаться для нее (с учетом данного обстоятельства) более полезен.

В данной статье представлены результаты исследования, которые позволяют дать ответы на некоторые важные вопросы, касающиеся как специфики социальных запросов россиян в сравнении с другими странами, так и факторов их формирования. Основной эмпирической базы исследования послужили, прежде всего, данные Европейского социального исследования (European Social Survey) за 2008 год. В рамках Европейского социального исследования за 2008 г. было опрошено население 28 стран, в том числе и России (N=2400 чел.). Для изучения отдельных блоков анализируемой проблематики привлекались также данные общероссийских исследований Института социологии РАН «Социальная политика и социальные реформы глазами россиян» и «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?», проведенных в 2006 г. и 2008 г. по общероссийской выборке (N=1750 чел. и N=1749 чел. соответственно). Также для более глубокого понимания социальных запросов населения был проведен ряд интервью в г. Москва весной 2010 г. (60 интервью).

Социальные запросы россиян к государству: общая характеристика

Особенно важным при изучении представлений населения о необходимых мерах социальной политики является вопрос о необходимости уменьшения степени социального неравенства, смягчение которого и установление справедливости в распределении средств, по сути, являются одной из главных целей социальной политики. Проблема неравенства в России чрезвычайно остра (рисунк 2). С этим соглашаются многие отечественные и западные специалисты в этой области [Зубаревич 2010; Доходы и социальные услуги: неравенство... 2005; Шкаратан 2009 и др.]. Исследование на данных ESS показало, что нынешняя глубина неравенства в России является нелегитимной – почти три четверти россиян (71% населения) предъявляют запрос на ее сокращение, при этом противников сокращения неравенства в стране всего 9%.

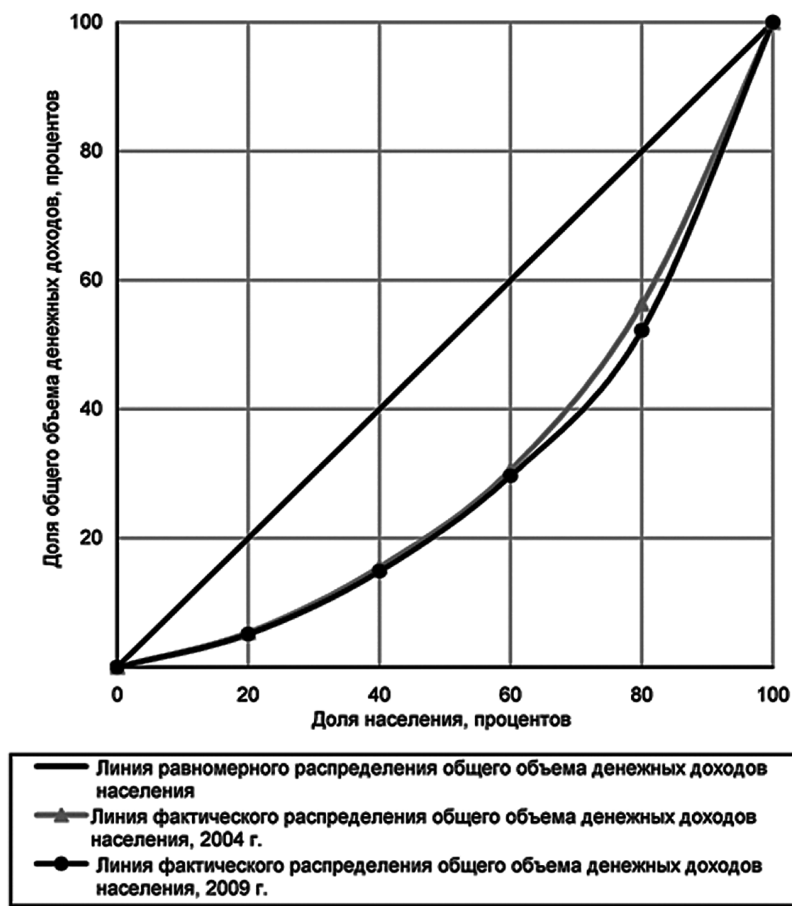

Рисунок 2. Неравенство в распределении общего объема денежных доходов между группами населения с различным уровнем материального достатка (кривая Лоренца)²

Несмотря на высокий запрос на сокращение неравенства, россияне не являются сторонниками уравнительности в доходах, а проявляют нетерпимость лишь к чрезмерным проявлениям неравенства и непрозрачности его оснований. Россияне поддерживают не просто выравнивание доходов так, чтобы отнять у богатых и отдать бедным, как уже было в нашей стране в начале XX в. Они, и это показывают результаты предыдущих опросов [Социальные неравенства и социальная политика... 2008, с. 17; Тихонова 2006, с. 14], все же допускают существование достаточно глубокого неравенства, но категорически выступают против крайних его проявле-

² На графике диагональ квадрата соответствует равномерному распределению доходов (попарные доли населения и доходов совпадают) и означает полное отсутствие концентрации дохода, т.е. каждая группа населения получает доход пропорционально своей численности. Чем ближе кривая Лоренца приближается к диагонали, тем более равномерно распределены доходы. Чем больше эта линия отклоняется от диагонали (чем больше ее вогнутость), тем больше неравномерность распределения доходов, соответственно выше их концентрация.

ний и всего того, что «заработано» нечестным путем. С другой стороны, россияне высказываются за то, чтобы все получали достойное вознаграждение за свои «способности и приложенные усилия». Это подтверждают и данные наших глубинных интервью: респонденты, поддерживающие уменьшение неравенства, часто в своих ответах исходят из следующих представлений о легитимном уровне неравенства: «Ну, кто-то скрывает налоги, а кто-то не скрывает. Поэтому происходит разница. Ну, с чего, там, Березовский и прочие, там, Потанины в Куришавеле отдыхают? А кому-то буханку хлеба не на что купить... Ну с чего-то они же ездят? С чего-то вот у всех яхты есть?» (администратор, 28 лет, женщина); «Сейчас в России разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными соответствует тому, что есть в странах черной Африки. И России, все-таки, как стране более цивилизованной, как мне кажется, ну неприлично, как минимум. И в этой ситуации, да, однозначно [правительство] должно принять меры» (менеджер проектов в банке, 47 лет, мужчина).

Под преодолением неравенства россияне понимают, прежде всего, не выравнивание всех по доходу, а предоставление всем возможностей зарабатывать. Большинство их считает, что «государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам» (52,5%) [Тихонова 2006, с. 14]. В данном случае речь идет об определенном минимуме доходов и о гарантии удовлетворения базовых социальных потребностей, прежде всего, в медицинской помощи. Россияне в массе своей равенство понимают именно как равенство возможностей, а сторонников уравнительности в стране очень мало [Тихонова 2006, с. 14]. Вот как объясняют такую позицию респонденты в интервью: «С одной стороны, безусловно, да, надо уменьшать неравенство, если говорить о России, потому что у нас гигантский разрыв. С другой стороны, речь не идет об абсолютной уравниловке, как это было в период Советского Союза, как некая установка, вот в чем дело... Можно стремиться к тому, чтобы не было богатых, а можно, чтобы не было бедных» (бизнес-консультант, 37 лет, женщина). В данном случае «речь идет не столько о разнице в доходах между людьми, сколько об уменьшении разницы в возможностях» (бизнес-консультант, 37 лет, мужчина). Государство, таким образом, должно не просто снижать уровень неравенства путем различных трансфертов, но и создавать для всех равные возможности для зарабатывания и повышения человеческого капитала населения.

В целом же можно говорить о высоком запросе россиян на уменьшение уровня неравенства в стране, о чем говорят и результаты других исследований. Согласно последнему исследованию ИС РАН, нынешнее социальное неравенство в России воспринимается болезненно всеми слоями населения независимо от уровня их материального благополучия, хотя запросы разных групп и значительно различаются – чем выше уровень дохода, тем менее выражен запрос на уменьшение неравенства в стране. Это подтверждают и результаты нашего анализа: среди респондентов, не испытывающих материальных трудностей, предъявляют запрос на сокращение неравенства 60%, а среди респондентов с плохим материальным положением эта доля вырастает до 81%.

Особенно болезненно воспринимается чрезмерная дифференциация доходов и неравенство в распределении частной собственности. Так, несправедливость чрезмерной дифференциации доходов признают 86% населения, а неравенство в распределении частной собственности – 74% [Социальные неравенства и социальная политика... 2008, с. 17]. И причина таких представлений населения кроется не в советском прошлом и негативном отношении к частной собственности, а в характере распределения этой собственности в результате реформ 1990-х гг., когда принадлежащие государству, а вместе с тем в равной мере всему народу, природные ресурсы стали собственностью небольшой группы людей [Социальные неравенства и социальная политика... 2008, с. 22]. В России существуют

не только глубокие разрывы в доходах населения, но и сильные неравенства в доступе к различным социальным услугам для разных групп населения [Бесстремьянная, Шишкин 2005; Бурдяк, Попова 2007; Муздыбаев 2001; Овчарова 2009; Овчарова, Попова 2005; Римашевская, Кислицына 1999; Синявская 2006; Суворов 2004; Щепин 2006]. Данные отдельных исследований и статистические данные свидетельствуют о существовании глубоких неравенств, «задаваемых» принадлежностью к определенной социальной группе, то есть структурными факторами (в сфере здравоохранения, в положении семей с детьми и пр.). В частности, результаты исследования С.В. Шишкина, А.Я. Бустряк, Е.В. Селезневой на данных НОБУС и РМЭЗ за 2003–2004 гг. свидетельствуют о существенном различии в получении специализированной амбулаторной помощи и при направлении на стационарное лечение между группами населения, различающимся по уровню образования, доходу и месту жительства, что является подтверждением неравного доступа россиян к получению медицинских услуг. При этом особенно сильны эти различия для жителей разных регионов страны и для разных доходных групп населения. Так, например, самые обеспеченные россияне платят за визит к медицинским работникам в 2,5 раза чаще, чем представители групп с низким доходом. Кроме того, бремя расходов на медицинские нужды распределяется неравномерно между группами населения с разным уровнем доходов – бедные тратят на покупку лекарств и оплату медицинских услуг в 1,5 раза большую долю своего бюджета, чем богатые [Шишкин, Бустряк, Селезнева 2008, с. 156–157]. Все это отражает неравенство возможностей получения медицинской помощи, обусловленное различиями в уровне доходов населения, и это неравенство продолжает углубляться: данные Росстата за 2009 г. свидетельствуют о еще большем увеличении неравенства в бремени расходов на медицинские нужды и в доступе к медицинским услугам у населения с разным уровнем дохода.

В этих условиях нет ничего удивительного, что россиянам характерны довольно высокие запросы к государству в сфере социальной поддержки и защиты населения. Подавляющее большинство населения России, по нашим расчетам на данных ESS, возлагает на государство выполнение таких задач как обеспечение достойного уровня жизни людям в старости; обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается; предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены ухаживать за заболевшими членами своей семьи; обеспечение ухода за детьми работающих родителей; обеспечение работой каждого, кто хочет работать; обеспечение достойного уровня жизни безработным (рисунок 3)³.

Хотя население России и считает, что все эти задачи должно решать государство, но, тем не менее, степень ответственности государства за их решение в его восприятии различается. Приоритетными направлениями социальной поддержки в глазах российского населения, как и в большинстве европейских стран, остаются пенсионная политика и обеспечение доступности услуг здравоохранения, социальное неравенство в которых выражено наиболее остро: свыше 80% россиян считают, что государство должно выполнять эти функции. Более того, можно говорить о том, что предоставление медицинской помощи и обеспечение достойного уровня жизни пенсионерам являются базовыми социальными функциями государства в большинстве европейских стран, что получило подтверждение и в исследованиях на данных других стран в предыдущие годы [Bean, Papadakis 1998; Cook, Barret 1992; Coughlin 1980; Jowell 1998; Taylor-Gooby 1985]. Так, например, С. Бин и Э. Пападакис на данных межстранового исследования показали, что запросы населения большинства европейских стран почти не отличаются в таких важней-

³ Здесь и далее приводятся данные на основе анализа данных российской подвыборки ESS.

ших сферах социальной политики как здравоохранение и пенсионное обеспечение [Bean, Papadakis 1998]. И Россия в этом смысле не отличается от экономически развитых европейских государств, хотя в Европе состояние систем здравоохранения и пенсионного обеспечения заметно лучше, чем в России.

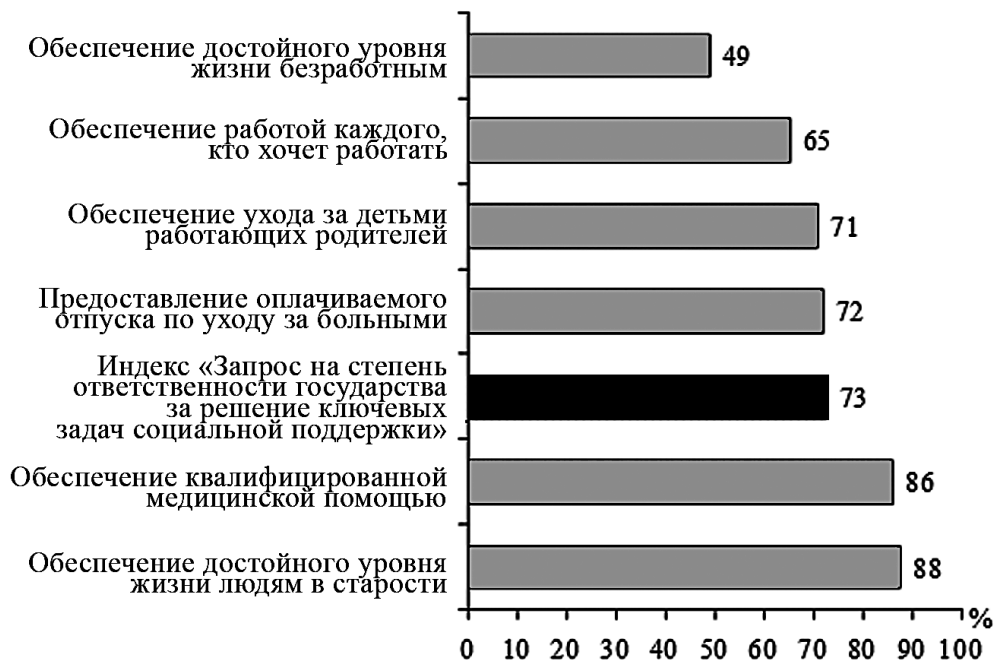

Рисунок 3. Процентная доля россиян, считающих выполнение соответствующей функции задачей государства (выбравшие в качестве варианта ответа 8, 9 или 10 в шкале от 0 до 10, где 0 – «вообще не считаю это задачей государства», 10 – «это всецело задача государства»)⁴

В отношении этих двух функций можно сказать, что выраженность и острота социальных запросов в соответствующих областях обусловлены, прежде всего, реальной ситуацией в России. Сфера здравоохранения у нас значительно хуже развита, чем в развитых западных странах: так, расходы на здравоохранение в России находятся почти на самом низком уровне среди стран, включенных в нашу выборку. Общие расходы на здравоохранение составили всего 5,4% от ВВП за 2007 г. (493 долл. в год на душу населения), в то время как, например, в США – 15,7% (7285 долл. на душу населения). При этом большую долю (около 80%) в общих расходах на здравоохранение в большинстве развитых стран (за исключением США и Швейцарии) составляют государственные расходы. В то же время в менее

⁴ Индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки» рассчитывался путем суммирования степени согласия респондентов с рядом высказываний, отражающих степень ответственности государства за реализацию ряда задач по социальной поддержке населения («обеспечение работой каждого, кто хочет работать»; «обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается»; «обеспечение достойного уровня жизни людям в старости»; «обеспечение достойного уровня жизни безработным»; «обеспечение ухода за детьми работающих родителей»; «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи»). При построении индекса в качестве весов использовались факторные нагрузки.

развитых странах, включая Россию, доля государственных расходов в общих расходах на здравоохранение заметно ниже.

На втором месте – задачи, связанные с политикой поддержки семьи, а именно – предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи (72%), и обеспечение ухода за детьми работающих родителей (71%). Со всеми этими проблемами индивид так или иначе сталкивается на протяжении своего жизненного цикла, и в случае отсутствия накоплений или помощи со стороны семьи и знакомых он не в состоянии самостоятельно решить эти вопросы без поддержки государства. Поэтому население и возлагает ответственность за их решение на плечи государства. В частности, результаты исследований указывают на то, что среди социально-демографических групп населения в России семьи с детьми отличаются самыми высокими рисками и глубиной бедности [Бурдяк, Попова 2007; Овчарова, Попова 2005; Положение детей в Российской Федерации 2003]. Неэффективность социальной поддержки и защиты семьи связана не только с низкими пособиями на детей (по данным за 2008 г. детские пособия составили 300 руб. на ребенка), но и во многом обусловлена отсутствием качественных государственных услуг по уходу за детьми, пожилыми и инвалидами. Вследствие монополии государства в данном секторе не развит и рынок частных услуг: а в результате получается, что семья не может получить доступ к услугам, даже если она и в состоянии самостоятельно за них заплатить. Особенно остро эта проблема стоит в сфере услуг дошкольного воспитания – в связи с ростом рождаемости в последние годы, предложение таких услуг ни по количеству, ни по качеству не соответствует потребностям населения [Овчарова 2009, с. 156]. При этом услуги по уходу за детьми и дошкольное воспитание (по сравнению со странами ЕС), где существенную роль в их регулировании и финансировании играет государство, в России развиты гораздо слабее. Так, если в 2008 г. в 27 странах ЕС по данным Евростата 28% детей младше 3-х лет и 83% детей от 3-х лет до школьного возраста пользовались услугами учреждений по уходу за детьми, то в России эти цифры составили 18% и 76% соответственно. В странах ЕС, особенно в скандинавских государствах, в отличие от России, политика в отношении семей с детьми является одним из ключевых направлений социальной политики государства. Так, еще в марте 1992 г. Европейский совет разработал рекомендации для стран-членов ЕС, согласно которым они должны создавать и поощрять инициативы, позволяющие мужчинам и женщинам за счет доступности услуг по уходу за детьми сочетать занятость на рынке труда и воспитание детей.

Довольно большая доля российского населения считает задачей государства обеспечение работой каждого, кто хочет работать (65%). Хотя уровень поддержки этой функции значительно меньше, чем в случае со здравоохранением и помощью пожилым, но все же он довольно высокий. Предположительно можно сказать, что это во многом связано с советским прошлым, когда единственным работодателем выступало государство: так, в советские годы около 90% населения было занято в государственном секторе экономики, а в настоящее же время государство обеспечивает работой около 30% населения, что гораздо меньше, чем в советские годы.

В сравнительно меньшей мере россияне считают, что государство должно обеспечивать безработным достойный уровень жизни (49%). Данные глубинных интервью показали, что за этим стоит не только негативное отношение к безработным как к «лентяям и иждивенцам», но и общая установка россиян на приоритетность создания государством институциональных условий для возможностей самостоятельного решения населением своих проблем. И в этом отношении любая государственная социальная помощь должна быть эффективной, то есть не просто создавать рабочие места, а создавать *эффективные* рабочие места с высокой заработной платой. Россиянам гораздо важнее, чтобы были созданы условия для самостоятельного зарабатывания средств, а не материальная поддержка в слу-

чае, например, безработицы (слово «условия» является ключевым и часто звучит в интервью). Также это может отражать реальную ситуацию в стране – крайне маленький размер пособий по безработице. Следует отметить, что полевой этап ESS проводился в 2008 г. еще до повышения пособий по безработице. В 2008 г. минимальное пособие составляло 770 руб., максимальное – 3080 руб. (в 2007 г. – 720 руб. и 2880 руб. соответственно), в то время как стоимость минимального набора продуктов питания, входящих в состав потребительской корзины (рассчитана для мужчин трудоспособного возраста) – 6731 руб. (5746 руб. в 2007 г.). В 2009 г. минимальное пособие было поднято до 850 руб., максимальное – до 4090 руб. при стоимости потребительской корзины составлявшей 7578 рублей.

На основе данных глубинных интервью удалось выявить, что в основе таких приоритетов социальных запросов россиян лежат представления о «заслуживающих» и «не заслуживающих» поддержки группах населения. Говоря о предоставлении помощи различным социально уязвимым группам, россияне, главным образом, имеют в виду не беднейших, а те группы населения, которые не могут самостоятельно решить свои проблемы из-за отсутствия соответствующих институциональных возможностей и выполняют при этом важную для общества функцию (растят детей, работают, платят налоги и пр.), даже если объективно они и не относятся к «самым бедным». В связи с этим можно утверждать, что для России наиболее предпочтительной в рамках проводимой государством политики адресной социальной поддержки остается не столько помощь наименее благополучным, сколько помощь определенным категориям населения, «заслуживающим» в глазах населения этой помощи. И в этом смысле корпоративная (согласно классификации Эспинг-Андерсена) модель социальной политики в России более перспективна, чем неolibеральная.

Общая оценка социальных запросов людей важна сама по себе, по сути, это своего рода анализ «идеальной» модели социальной политики в глазах россиян. Но помимо этого, запрос на реализацию определенных функций отражает, как правило, реально существующие в стране проблемы, «болевы точки». Поэтому отдельный интерес представляет оценка населения текущей ситуации в стране, в частности, в сфере социальной поддержки и ее сопоставление с запросами населения. Для этого мы сравнили, как связан запрос населения на выполнение государством различных социальных функций с оценкой успешности реализации государством этих функций. Для операционализации успешности действий государства по различным направлениям социальной политики мы использовали оценку респондентами положения тех или иных социальных групп, на улучшение положения которых направлены отдельные меры социальной политики. Это косвенный показатель успешности реализации государством своих социальных функций – социально-экономическое положение соответствующих групп говорит о том, насколько успешны были меры, направленные на улучшение положения этих групп.

В целом, россияне очень негативно оценивают реализацию современным российским государством своих основных социальных функций: существующую в стране систему социальной помощи в виде социальных пособий, льгот и услуг они считают недостаточно эффективной для решения проблемы неравенства и оказания помощи тем, кто действительно в ней нуждается. Особенно распространена эта точка зрения среди малообеспеченных, то есть основных получателей социальной помощи.

Россияне характеризуют как «плохое» и положение различных социально уязвимых групп населения таких как пенсионеры (81%) и безработные (83%) (рисунк 4). Плохими они считают также возможности населения воспользоваться теми или иными услугами в сфере здравоохранения (54%), возможность для молодежи устроиться на работу (52%) и возможность родителей устроить детей в дошколь-

ные детские учреждения (48%). Помимо того, что большинство россиян отмечают уровень жизни соответствующих социально уязвимых групп как низкий, они по сравнению с населением западных стран очень высоко оценивают долю этих групп в общей численности населения страны. Так, 54% россиян считают, что в России более 30% населения бедны, при том что, по мнению населения Германии, бедными являются всего 23% немцев.

Рисунок 4. Оценка россиянами социальных фактов, свидетельствующих об успешности/ неуспешности реализации государством своих функций в сфере социальной поддержки, %

В целом же, социальные запросы к государству сильнее выражены там, где объективная ситуация острее. Установлена статистически значимая связь запроса на поддержку государства с оценкой реальной ситуации в соответствующей сфере – чем хуже россияне оценивают положения тех групп населения, на которых направлена социальная поддержка, тем сильнее выражен запрос на эту поддержку со стороны государства. Например, большинство россиян, оценивающих как низкий уровень жизни пенсионеров, считают, что достойный уровень жизни пенсионеров должно обеспечивать государство (рисунок 5). Но из этого правила есть исключения, касающиеся ситуации с безработными и с системой здравоохранения. Запрос россиян на высокую ответственность государства за доступность бесплатной медицинской помощи одинаково сильно выражен (около 80%) во всех группах независимо от их оценок состояния системы здравоохранения. В то же время, несмотря на то, что уровень жизни безработных россияне в массе своей считают очень низким, запрос государству на улучшение положения безработных выражен гораздо слабее (49%), чем на доступность медицинской помощи (86%).

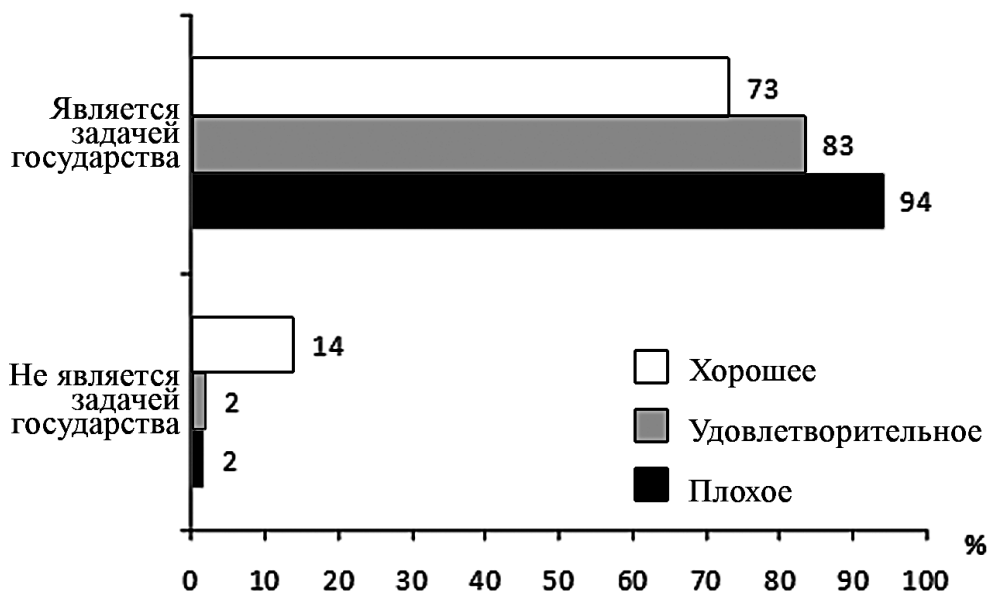

Рисунок 5. Запрос россиян на обеспечение достойного уровня жизни людям в старости и оценка материального положения пенсионеров, %⁵

Как известно, оценка реализации государством той или иной социальной функции может быть обусловлена наличием соответствующего индивидуального опыта респондента, а также его экспертной оценкой потребности других членов общества в социальной поддержке со стороны государства. С учетом этого важно отметить, что даже наиболее благополучные группы населения, не нуждающиеся в социальной поддержке государства и напрямую не заинтересованные в ее увеличении, считают необходимым расширение и усиление социальной поддержки уязвимых групп населения со стороны государства. В разных сферах социальной поддержки эти тенденции проявляются в разной степени, но, в целом, личный опыт и наличие соответствующих проблем хотя и оказывают влияние на оценку населением степени успешности реализации государством различных направлений социальной поддержки и на формирование социальных запросов к государству, но все же это влияние не определяющее.

Данные глубинных интервью позволяют нам предположить, что в основе этих запросов лежат определенные нормы, приходящие в противоречие с окружающей их реальностью. Независимо от группового эгоизма у населения есть понимание, что в современной России люди не могут самостоятельно решить свои проблемы. Усиливает эти установки плохая социально-экономическая ситуация в стране и малоэффективность усилий со стороны государства в решении социальных проблем, на что указывали сами респонденты. При этом прослеживается общее недоверие россиян к государству, к тому, как оно распоряжается деньгами налогоплательщиков, и неодобрение действий Правительства в части того, как оно реализует ключевые социальные функции государства. В связи с этим можно говорить

⁵ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена этих двух переменных в России составляет – 0,3.

о разрыве приоритетов и норм общества и государства в сфере социальной политики. Вытекающая из этого неудовлетворенность выполнением государством своих социальных функций, несмотря на ярко выраженный запрос на них, генерирует социальную напряженность в обществе.

Социальные запросы к государству в России и в других странах

При реформировании системы социальной политики в России очень важно учитывать опыт других стран, однако примитивно переносить этот опыт невозможно как ввиду исторических и культурных особенностей, так и из-за установок и запросов населения к наиболее предпочтительной модели социальной политики. Чтобы определить, отличаются ли запросы россиян к государству в сфере снижения неравенства и социальной поддержки от потребностей населения других стран, мы провели парные сравнения методом Краскэла-Уоллиса, который представляет собой непараметрический тест сравнения средних значений нескольких независимых выборок⁶. Анализ был проведен отдельно для запроса на сокращение неравенства, для запроса на ответственность государства в сфере социальной поддержки населения в целом (индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки»⁷) и по отдельным ее направлениям (обеспечение достойного уровня жизни людям в старости; обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается; предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены ухаживать за заболевшими членами своей семьи; обеспечение ухода за детьми работающих родителей; обеспечение работой каждого, кто хочет работать; обеспечение достойного уровня жизни безработным).

Результаты анализа показали, что статистически значимо не отличаются запросы россиян по запросу на сокращение неравенства от потребностей населения Израиля, Финляндии и Испании. Для сравнительного анализа выраженности социальных запросов к государству все страны были проранжированы по медиане, а также – для сравнения – по среднему значению. Сопоставление запросов россиян с населением других стран позволяет сделать вывод, что запрос на уменьшение неравенства по доходам в России ниже, чем даже в странах с еще более низким уровнем неравенства (рисунок 6), то есть россияне более терпимы относятся к проблеме неравенства, чем население большинства европейских стран. При этом самый сильный запрос на уменьшение неравенства, судя по данным ESS, в Греции и Венгрии, а самый слабый – в Дании. Наш вывод относительно Дании имеет подтверждение и в других работах: исследование Р. Инглхарта на массиве «Евробарометра» показало, что датчане по сравнению с населением 11 других европейских стран в наименьшей степени считают необходимым умень-

⁶ В тесте Краскэла-Уоллиса, в отличие от однофакторного дисперсионного анализа и метода множественных сравнений вместо значений переменных используется ранг объекта по исследуемой переменной, проводится сравнение средних произвольного числа групп.

⁷ Индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки» рассчитывался путем суммирования степени согласия респондентов с рядом высказываний, отражающих степень ответственности государства за реализацию ряда задач по социальной поддержке населения («обеспечение работой каждого, кто хочет работать»; «обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается»; «обеспечение достойного уровня жизни людям в старости»; «обеспечение достойного уровня жизни безработным»; «обеспечение ухода за детьми работающих родителей»; «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи»). При построении индекса в качестве весов использовались факторные нагрузки.

шение неравенства в стране. Более того, на основании его исследования можно сделать важный вывод (и мы подтверждаем это в нашей работе), что на запрос на уменьшение неравенства со стороны населения влияет реальный разрыв в доходах населения и то, какую роль государство играет в регулировании уровня неравенства [Inglehart 1997, p. 257].

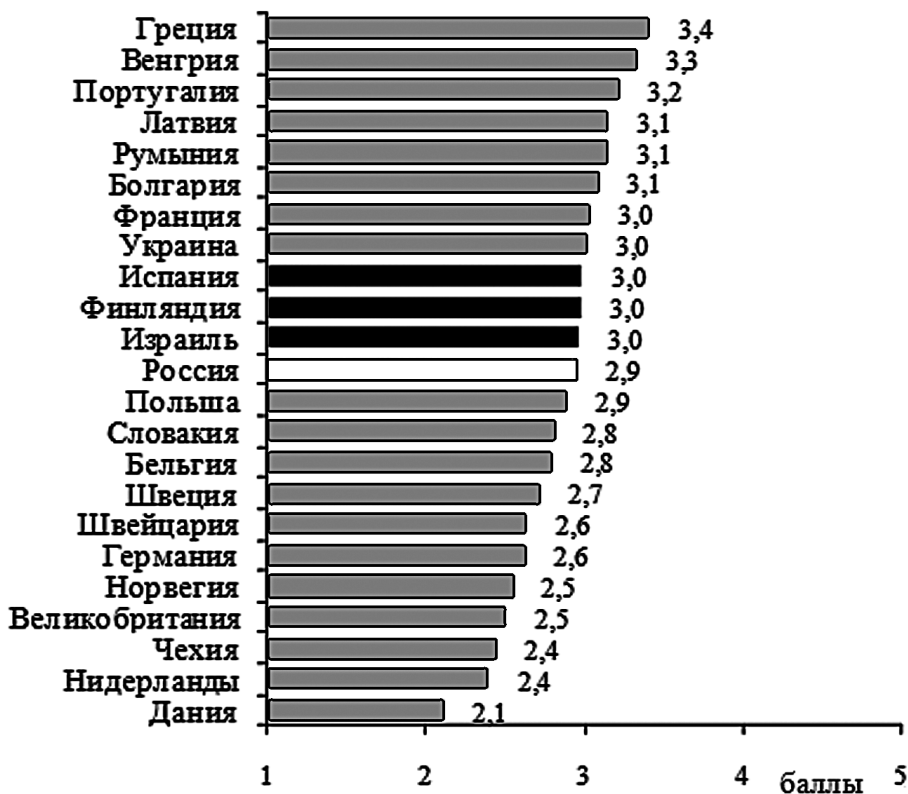

Рисунок 6. Средние по странам значения переменной «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» (1 – «совершенно не согласен», 5 – «полностью согласен»)⁸

Хотя запрос на уменьшение неравенства по доходу в России довольно сильно выражен, но все же, с учетом реального уровня неравенства в стране (таблица 1) и в сравнении с другими странами, вряд ли можно оценивать его как «завышенные ожидания». Из всех стран, представленных в выборке, самый высокий коэффициент Джини, отражающий концентрацию доходов, – в России (0,42). Довольно высокий уровень неравенства также и в Израиле, Испании, социальные запросы которых такие же, как в России, и в Великобритании. Принимая во внимание все вышесказанное, можно говорить о том, что россияне довольно толерантны к неравенству.

⁸ Черным цветом отмечены страны, не имеющие статистически значимых различий от России (метод Краскэла-Уоллиса, критерий хи-квадрат ($p < 0,05$)).

Таблица 1. Социально-экономическая дифференциация населения по доходам⁹

Страна	Удельный вес доходов по 20-процентным группам населения ¹⁰					Коэффициент Джини, %
	первая	вторая	третья	четвертая	пятая	
Россия	5	10	15	23	48	44
<i>Центральная и Северная Европа</i>						
Франция	7	13	17	23	40	33
Германия	9	14	18	23	37	28
Нидерланды	8	13	17	23	39	31
Швеция	9	14	18	23	37	25
Швейцария	8	12	16	23	41	34
Бельгия	9	13	16	21	41	33
Дания	8	15	18	23	36	25
Финляндия	10	14	18	22	37	27
Норвегия	10	14	17	22	37	26
Португалия	6	11	16	22	46	39
Чехия	10	15	18	22	36	26
Словакия	9	15	19	23	35	26
<i>Восточная и Южная Европа</i>						
Италия	7	12	17	23	42	36
Испания	7	12	16	23	42	35
Греция	7	12	17	23	42	34
Венгрия	9	13	17	23	39	30
Польша	8	12	16	22	42	35
Румыния	8	13	17	23	39	32
Болгария	9	14	17	22	38	29
Латвия	7	11	16	22	45	36
Украина	9	14	17	22	37	28
<i>Англо-саксонские страны и Израиль</i>						
Великобритания	6	11	16	23	44	36
Израиль	6	11	16	23	45	39
США	5	11	16	22	46	41

Источник: World Bank

⁹ По показателям неравенства приведены данные по Франции за 1995 г., Чехии – 1996 г., Нидерланды и Великобритания – 1999 г., Германия, Греция, Италия, Испания, Швеция, США – 2000 г., Израиль – 2001 г., Польша – 2002 г., Латвия – 2003 г., Венгрия – 2004 г., Россия и Украина – 2007 г.

¹⁰ Удельный вес доходов приведен в процентах от общего объема доходов (потребительских расходов).

Несмотря на всю остроту проблемы неравенства в России, еще большую ответственность ее население возлагает на государство в вопросах социальной поддержки, а не в уменьшении неравенства (рисунок 7). По запросу на ответственность государства в сфере социальной поддержки населения россияне статистически значимо не отличаются от населения Венгрии, Болгарии, Израиля и Испании. Слабее всего социальные запросы к государству выражены в Швеции – стране с социал-демократической моделью социальной политики, где очень сильно развита система оказания государством социальных услуг и помощи населению. Таким образом, для россиян важно сейчас даже не столько снижение глубины неравенства само по себе, сколько возможность удовлетворения базовых витальных потребностей, обеспечение элементарного выживания, что и формирует у них высокий запрос на обеспечение социальной поддержки со стороны государства.

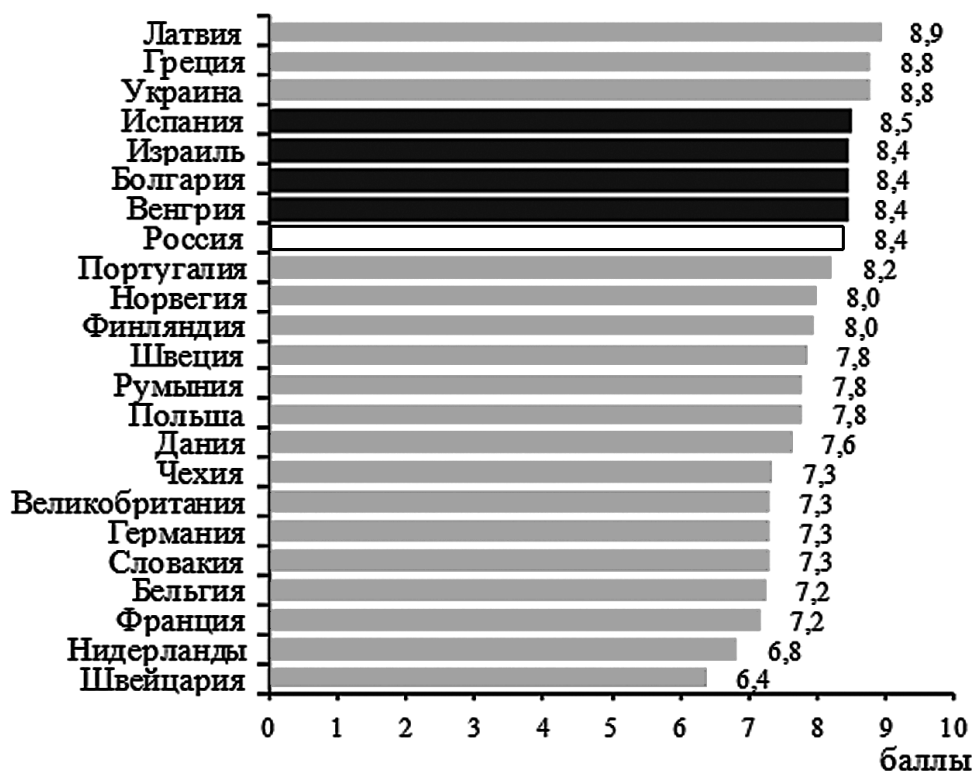

Рисунок 7. Средние по странам значения индекса «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки» (0 – государство не должно брать на себя социальные функции, 10 – максимальная степень ответственности государства за выполнение социальных функций)¹¹

¹¹ Черным цветом отмечены страны, не имеющие статистически значимых различий от России (метод Краскэла-Уоллиса, критерий хи-квадрат ($p < 0,05$)).

Чтобы выделить однородные по характеру запросов группы стран, а не просто показать, какие из них статистически значимо не отличаются от России, мы провели парные сравнения методом Краскэла-Уоллиса для ряда стран по индексу «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки»¹². Для каждой страны были определены государства, население которых по социальным запросам к государству от нее статистически значимо не отличаются. Выделенные в результате такого анализа группы стран были условно названы нами:

1) страны Южной и Восточной Европы (Россия, Венгрия, Болгария, Украина, Греция, Испания, Израиль¹³);

2) страны Западной и Центральной Европы (Франция, Бельгия, Великобритания, Германия, Словакия, Чехия).

Установлено, что Россия по типу социальных запросов населения к степени ответственности государства отличается от экономически более развитых посткоммунистических стран (Чехия, Словакия и, частично, Польша) и находится в одной группе со странами Южной (Испания, Греция) и Восточной (Венгрия, Болгария, Украина) Европы, а также Израилем. В одну группу с Россией вошли Испания, Греция, Израиль, которые, согласно классификации Международного валютного фонда, относят к группе развитых стран. Но все же эти государства можно считать менее развитыми, так как в них, главным образом, в Испании и Греции, парламентская демократия была восстановлена относительно поздно. В отличие от них, в других развитых странах Западной Европы уже давно существует рыночная экономика, и они имеют старинные традиции парламентской демократии [Шкаратан 2006, с. 222]. Относительно более высокие запросы населения в Испании также объясняются тем, что эта страна по уровню экономического развития отстает от других европейских стран, а проводимая в ней модель социальной политики наиболее близка к средиземноморской [Larsen 2008, p. 31].

Предложенная нами группировка стран оказывается вполне осмысленной, если принять во внимание историю их развития и нынешнее социально-экономическое положение. По показателям ВВП и по потреблению выделяется группа наиболее развитых посткоммунистических стран – это Чехия, Словакия и Венгрия, две первые из которых примкнули в нашей классификации к странам Западной и Центральной Европы, а последняя (Венгрия) характеризовалась наибольшей близостью к странам Южной и Восточной Европы. Следует отметить, что эти государства в наибольшей степени по отношению к остальным странам Восточной Европы пострадали во время экономического кризиса 2008–2009 годов. Если посмотреть на уровень неравенства в различных странах, то мы получим примерно такую же картину. В выделенной нами наиболее развитой группе государств Западной и Центральной Европы показатели неравенства гораздо ниже, чем в менее развитых странах. На общем фоне выделяется Россия, где уровень

¹² Индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки» рассчитывался путем суммирования степени согласия респондентов с рядом высказываний, отражающих степень ответственности государства за реализацию ряда задач по социальной поддержке населения («обеспечение работой каждого, кто хочет работать»; «обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается»; «обеспечение достойного уровня жизни людям в старости»; «обеспечение достойного уровня жизни безработным»; «обеспечение ухода за детьми работающих родителей»; «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи»). При построении индекса в качестве весов использовались факторные нагрузки.

¹³ Аналогичный анализ по отдельным направлениям социальной поддержки показал, что во всех случаях Россия оказывается в одной группе стран с Израилем и Испанией, а также, как правило, Венгрией и Болгарией. По запросам населения к отдельным направлениям социальной поддержки Украина и Греция также довольно устойчиво статистически значимости не отличаются от России, поэтому было решено включить эти страны в одну группу с Россией.

неравенства гораздо выше, чем в других европейских странах; похожая ситуация только в США и Великобритании, известных сильной дифференциацией доходов населения.

Отдельно стоит отследить, отличается ли иерархия социальных функций государства и степень выраженности запросов на них у россиян и населения выделенных нами групп стран¹⁴. Россию мы сравнивали как с группой менее развитых стран Южной и Восточной Европы в целом, куда она входила согласно нашей классификации, так и со странами Западной и Центральной Европы. На рисунке 8 представлена иерархия функций государства в России в сфере социальной поддержки по их медианному значению. Для сравнения на этом же графике приведена группа стран Южной и Восточной Европы, с которой у России оказалось очень много общего. В первую очередь, следует отметить, что иерархия функций государства в сфере социальной поддержки в представлении жителей России и стран Южной и Восточной Европы полностью совпадает. Интенсивность запросов также почти не отличается, за исключением функции «обеспечение достойного уровня жизни безработным», запрос на которую в России выражен слабее, чем в других странах этой группы.

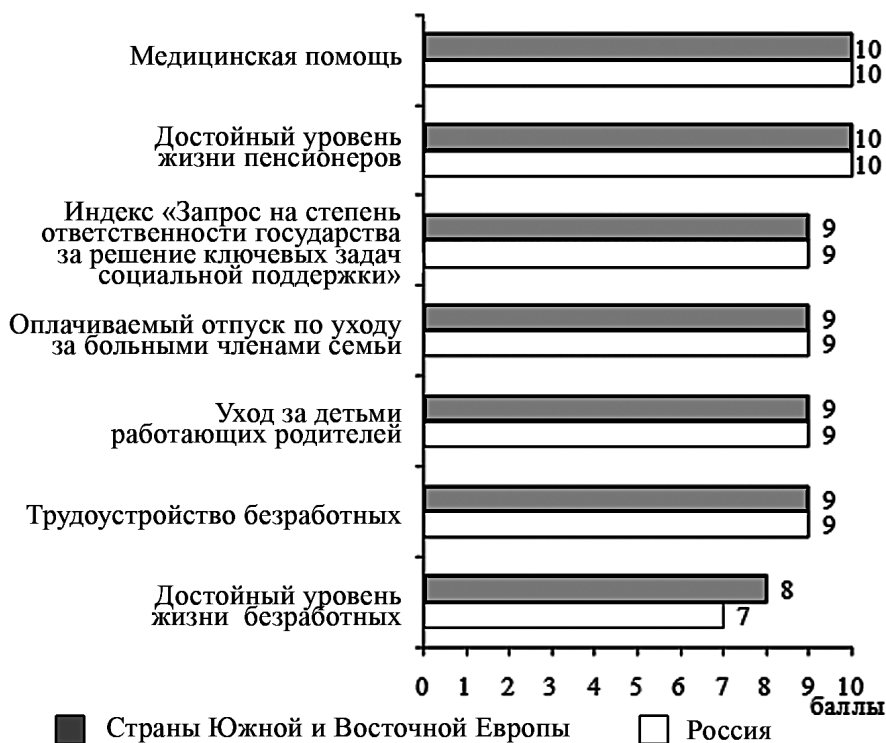

Рисунок 8. Иерархия наиболее важных функций государства в сфере социальной поддержки в представлении медианного россиянина (N=2188) и медианного жителя стран Южной и Восточной Европы¹⁵

¹⁴ При расчете агрегированных данных в группу «страны Западной и Центральной Европы» мы включили следующие: Франция, Бельгия, Великобритания, Германия, Словакия, Чехия. В группу «страны Южной и Восточной Европы» вошли Венгрия, Россия, Израиль, Болгария, Испания, Украина, Греция.

¹⁵ Данные по группе стран взвешены с учетом дизайна выборки и численности населения страны.

Странно то, что в России просматривается картина, сопоставимая с ситуацией в странах Южной и Восточной Европы, хотя объективные показатели реализации государством своих социальных функций и социально-экономическое положение различных групп населения гораздо хуже, чем в некоторых странах этой группы. Это говорит о том, что россияне более чем население других стран толерантны к тому, что не решаются социальные проблемы в стране. По анализу отношения к социальному неравенству мы получили такие же выводы – несмотря на относительно более высокий уровень неравенства по доходу, запрос на его смягчение в России находится на уровне других стран с меньшим уровнем неравенства. Кроме того, запрос на сокращение неравенства по сравнению с другими европейскими странами в России выражен слабее, чем запрос на социальную поддержку. В целом же, социальные запросы к государству сильнее выражены в тех странах, где объективная ситуация острее, что мы и продемонстрировали на примере успешности выполнения государством различных социальных функций.

Рисунок 9. Иерархия наиболее важных функций государства в сфере социальной поддержки в представлении медианного жителя развитых стран Западной и Центральной Европы¹⁶

¹⁶ Данные по группе стран взвешены с учетом дизайна выборки и на численность населения страны.

Анализ показал, что жителям Западной и Центральной Европы характерны хотя и чуть более слабые, чем в других менее развитых странах, но все же довольно высокие социальные запросы к государству (рисунки 8–9), что подтверждают и данные других исследований. Более того, в этом отношении запросы жителей европейских стран в отношении социальной роли государства довольно устойчивы во времени [Kaase, Newton 1998; Taylor-Gooby 1998]. Исследователи отмечают, что на сегодняшний день еще рано говорить о снижении объемов поддержки и обеспечиваемых государством социальных услуг. Эмпирические работы последних трех десятилетий по изучению отношения населения к государству благосостояния в целом опровергают точку зрения о кризисе легитимности государства благосостояния и отмечают довольно высокий уровень его общественной поддержки в большинстве капиталистических стран [Panayotova 2001, p. 3]. Многие ученые утверждают, что западные общества не только допускают, но и активно поддерживают увеличение государственного социального обеспечения [Cook, Barret 1992; Kaase, Newton 1995; Shapiro, Young 1989]. Так, ведущие международные эксперты (К. Халворсен, Р. Шапиро, С. Сваллфорс и В. Оршут) доказали, что в ближайшее время не стоит ожидать снижения населением поддержки государства благосостояния в западных странах [Social justice, legitimacy and the welfare state... 2007].

Таким образом, на основе проведенного нами анализа мы определили место России в геосоциальном пространстве по параметру выраженности социального запроса населения на ответственность государства за решение ключевых задач социальной политики. Россия не является уникальной в этом отношении страной: она оказалась в единой «связке» с Венгрией, Израилем, Испанией, Украиной и Болгарией. Большинство же других посткоммунистических стран (кроме Венгрии, Болгарии, Украины) по характеру социальных запросов отличаются от России. Более того: некоторые из них (Чехия, Словакия и, частично, Польша), гораздо более развитые и ориентирующиеся на европейскую культуру, по социальным запросам не отличаются от развитых европейских стран – Великобритании, Германии, Франции, Швеции. В этом отношении наши результаты в некоторой мере противоречат другим исследованиям стран Центральной и Восточной Европы, проведенным в 90-е гг. XX в., которые показывают, что, хотя население посткоммунистических стран ЦВЕ довольно быстро приняло ценности экономического индивидуализма и свободы, тем не менее, в них сохранились высокие социальные запросы к государству и эгалитаристские ценности, характерные для советского времени [Alwin et al. 1995; Domansky, Heyns 1995; Mason 1995]. Действительно, переход бывших социалистических стран от плановой экономики к рынку в 80–90-х гг. XX в. оказал значительное влияние на общество, его предпочтения и ценности. Но в то же время становится все более очевидным (это выявилось и в нашем исследовании), что эта группа стран ЦВЕ не является гомогенной, в том числе и по социальным запросам к государству.

Факторы формирования социальных запросов населения к государству

В данном разделе мы рассмотрим, что стоит за спецификой социальных запросов россиян, какие факторы влияют на их формирование. Ведь возможно, что за различием социальных запросов населения разных стран стоит просто разница в их социально-демографическом составе, либо это результат различий в уровне жизни населения этих государств, нерешенности отдельных социальных проблем и т.д. Эти межстрановые сопоставления помогут нам понять особенности формирования тех или иных социальных запросов к государству.

Опыт изучения факторов, влияющих на социальные запросы населения к государству, а также результаты предварительного анализа различных показателей позволяют нам выделить две группы факторов, которые лежат в основе запросов к государству – это факторы «собственного интереса»¹⁷, то есть факторы, определяющие личную заинтересованность индивида в проведении той или иной социальной политики, и факторы, связанные с культурой [*Cousins* 2005, p. 171]. Но в нашей работе мы выделяем также такой фактор, как успешность реализации государством (в глазах населения) своих социальных функций, в частности, субъективная оценка положения социально-незащищенных групп населения. Таким образом, для построения модели детерминации социальных запросов к государству мы использовали три основные группы входящих в нее факторов:

- 1) факторы «собственного интереса»;
- 2) факторы, связанные с оценкой успешности реализации государством своих социальных функций;
- 3) факторы, связанные с особенностями культуры страны, прежде всего, спецификой ценностей ее населения.

Две группы факторов, «собственный интерес» и оценка успешности реализации государством своих социальных функций, отражают остроту различных социальных проблем в стране, только под разным углом: первая группа – с учетом личного опыта и специфики собственных потребностей, а вторая – опять-таки с учетом личного опыта, но уже, как правило, не как непосредственного участника событий, а как наблюдателя-эксперта. Культурные факторы, в свою очередь, влияют на восприятие и оценку этого опыта.

Мы сравнили связь этих факторов с запросами на ответственность государства в сфере социальной поддержки¹⁸ не только в России, но и в двух анализировавшихся группах стран (страны Западной и Центральной Европы и страны Южной и Восточной Европы)¹⁹. Связь запроса на сокращение неравенства с этими факторами носит похожий характер, хотя и имеет некоторые различия, в частности, влияние всех факторов, связанных с объективной и субъективной оценкой положения населения и отдельных его групп (за исключением факторов образования, классовой принадлежности и возраста) для этого запроса слабее, чем для запроса на ответственность государства в сфере социальной поддержки. Для дальнейшего построения регрессионной модели в каждой группе факторов были отобраны те факторы, которые сильнее коррелируют с социальными запросами, и проанализирован характер их взаимосвязи.

Из группы факторов «собственный интерес» сильнее всего связанными с запросами к государству оказались факторы, отражающие материальное положение респондентов (самооценка уровня дохода) и степень их социальной незащищенности, в частности, индекс «Оценка населением вероятности ухудшения своего положения в будущем»²⁰. Это как раз те показатели, которые отражают социаль-

¹⁷ «Собственный интерес» предполагает, что люди поддерживают те направления реформ социальной политики, которые улучшают их личное положение. Это понятие применяется к различным индивидуальным характеристикам, например, при объяснении, почему представители женского пола, индивиды с более низкими доходами, профессионально-должностным статусом и образованием предъявляют более высокие социальные запросы к государству. Но наиболее часто к фактору «собственного интереса» относят принадлежность к социально-незащищенным группам населения (пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи и пр.).

¹⁸ Для операционализации запросов к государству в сфере социальной поддержки мы использовали индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки».

¹⁹ При расчете агрегированных данных в группу «страны Западной и Центральной Европы» мы включили следующие страны: Франция, Бельгия, Великобритания, Германия, Словакия, Чехия. В группу «страны Южной и Восточной Европы» были включены Венгрия, Россия, Израиль, Болгария, Испания, Украина, Греция.

²⁰ Индекс построен путем суммирования ответов респондентов на следующие вопросы (каждой переменной при суммировании присваивался вес, соответствующий факторным нагрузкам): «Насколько вероятно, что в следующие

ные риски индивида и его возможности для самостоятельного снижения этих рисков и решения своих социальных проблем. Важную роль играют также такие факторы как образование, профессия и классовая принадлежность, которые фактически определяют уровень жизни индивидов. Но эти факторы нельзя одновременно включать в модель, так как они сильно коррелируют между собой, поэтому для каждого из них мы построили отдельную модель. Связь классов, выделенных согласно методологии EGP-схемы²¹, с социальными запросами к государству оказалась очень слабой не только в России, но и в других группах стран Южной и Восточной Европы (коэффициент Спирмена – 0,053 и 0,057 соответственно при уровне значимости $p < 0,001$). Сильнее она в странах Западной и Центральной Европы (коэффициент Спирмена – 0,104 при уровне значимости $p < 0,001$).

Слабее всего из показателей, связанных с «собственным интересом», оказались демографические показатели, особенно пол. Эти показатели (пол и возраст) не вошли в итоговую модель в связи с тем, что при добавлении других показателей их влияние на социальные запросы, и без того слабое, становится совсем незначимым (исключением являются страны Западной и Центральной Европы, где значимым остается влияние пола). В России и в группе стран Южной и Восточной Европы общечеловеческие идентичности и вытекающие из них нормы оказываются гораздо более значимыми, чем гендерные и поколенческие. Это указывает на то, что социальные запросы к государству здесь определяются, главным образом, не демографическими показателями – за этим стоят другие, более глубинные причины.

Из рассмотренных нами факторов, связанных с субъективной оценкой успешности реализации государством своих социальных функций, сильнее коррелирует с социальными запросами к государству оценка респондентами положения социально уязвимых групп населения (индекс «Оценка положения социально уязвимых групп населения»²²). Другие рассмотренные нами объективные показатели (ВВП на душу населения, доля социальных расходов в ВВП, коэффициент Джини, индекс развития человеческого потенциала, доля занятых в общей численности населения и др.) также свидетельствуют о том, что чем хуже реальная социальная ситуация в стране, тем более высокие запросы ее граждане предъявляют государству.

---

12 месяцев Вы останетесь без работы и не сможете найти другую работу, по меньшей мере, 4 недели?», «Насколько вероятно, что в следующие 12 месяцев Вы будете вынуждены перейти на сокращенный график работы, потому что должны будете ухаживать за кем-то из членов семьи?», «Насколько вероятно, что в следующие 12 месяцев Вы будете переживать периоды, когда Вам будет не хватать денег на товары и услуги первой необходимости?», «Насколько вероятно, что в следующие 12 месяцев Вы не сможете получить необходимую медицинскую помощь, если она Вам потребуется?» Респондентам предлагалось выбрать вариант от 1 – «очень вероятно», до 4 – «совсем не вероятно».

²¹ Для определения классовой принадлежности в работе мы использовали схему классов Эриксона-Голдторпа-Портокарею (EGP-схему). Эта схема классовой структуры общества построена в традициях неовеберизма и позволяет выделить в населении группы, дифференцированные по положению в системе переговорных отношений работника и работодателя, отражающей их место в системе производственных отношений. Эта схема включает одиннадцать категорий и является более детализированной, чем многие другие. Для определения классовой принадлежности респондентов из разных стран мы использовали разработанную специально для ESS так называемую «Trento version».

²² Для построения индекса использовался ряд переменных, представлявших собой оценки респондентами материального положения различных групп населения – пенсионеров, безработных, а также возможности трудоустройства для молодежи и возможность устроить детей в детский сад. Вопросы анкеты при этом звучали следующим образом: «Каково, на Ваш взгляд, материальное положение пенсионеров в нашей стране?», «Каково, на Ваш взгляд, материальное положение безработных в нашей стране?», «А как Вы в целом оцениваете возможности для работающих родителей устроить детей в детские сады, группы продленного дня и тому подобные детские учреждения за приемлемую цену?», «А как Вы в целом оцениваете возможности молодежи в России устроиться на работу после окончания учебы?» Можно было выбрать вариант ответа от 0 до 10, где 0 означал «очень плохое положение или возможности», а 10 – «очень хорошее».

На формирование социальных запросов к государству могут оказывать влияние также особенности культуры страны. В рамках имевшегося инструментария опроса очень сложно было определить влияние культуры, но частично его отражают ценности населения, материал для анализа которых в базе данных ESS имелся. Поэтому на степень социальной ответственности государства, мы использовали **базовые ценностные ориентации**, выделенные нами по методике Шварца. Выявлено, что из группы факторов, связанных с культурными особенностями населения, сильнее всего коррелирует с социальными запросами распространенность ценностей безопасности и универсализма (в классификации Ш. Шварца)²³. Из группы факторов, связанных с культурой, сильная корреляция прослеживается также с представлениями о легитимном уровне неравенства, но этот фактор мы не включили в основную модель, так как направление причинно-следственной связи в данном случае дискуссионно.

Характер взаимосвязи трех групп факторов – «собственный интерес», реальная ситуация в стране и особенности культуры – примерно одинаков во всех группах стран. Чем выше социальная незащищенность населения и чем хуже его материальное положение, чем хуже оно оценивает нынешнюю ситуацию в стране и чем более присущи, возможно в силу этого, населению ценности безопасности и универсализма, тем выше его запрос на социальную ответственность и поддержку со стороны государства. Тем не менее, между странами есть и ряд существенных различий по отдельным факторам. Так, например, статистически незначима связь различных социальных рисков, свидетельствующих о социальной незащищенности (индекс «Оценка населением вероятности ухудшения своего положения в будущем»), с социальными запросами населения в странах Западной и Центральной Европы, где эти риски более успешно нейтрализуются с помощью мер социальной политики государства.

Нами был построен целый ряд регрессионных уравнений с целью поиска комбинации факторов, которые наиболее полно объясняют запросы населения к сокращению социального неравенства и степени ответственности государства за социальную поддержку своих граждан. При этом мы провели такой анализ отдельно для изучения факторов, влияющих на запрос на социальную поддержку населения (индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки»²⁴) и на запрос на снижение уровня неравенства в стране²⁵.

²³ Ценность «безопасность» предполагает важность безопасности, гармонии и стабильности общества, отношений с людьми и самого человека. Ценность «универсализм» – понимание, высокая оценка и защита благополучия всех людей, а также природы; толерантность.

²⁴ Зависимая переменная, индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки», построен путем суммирования переменных, измеренных на порядковом уровне, но с учетом большого диапазона изменения этого индекса, а также с учетом дополнительных преобразований (взвешивание переменных, включенных в индекс, с учетом факторных нагрузок) можно принять допущение о том, что он представляет собой непрерывную шкалу. Это позволяет нам использовать множественную линейную регрессию с использованием фиктивных переменных. Кроме того, с этим индексом в качестве зависимой переменной мы также построили порядковые регрессионные модели. В этом случае, чтобы провести порядковую регрессию, индекс мы приводили обратно к шкале порядкового вида. Мы проводим с одной и той же зависимой переменной регрессии разного вида не столько для проверки устойчивости построенной модели, сколько для того, чтобы у нас была возможность сравнения влияния различных факторов на запрос на ответственность государства в сфере социальной поддержки и на запрос на сокращение неравенства, переменная для измерения которого измерена на порядковом уровне (высказывание «Государство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми»).

²⁵ В случае выявления факторов, влияющих на социальные запросы населения к государству в сфере социальной поддержки, в качестве зависимой переменной в регрессионной модели выступал индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки», а в случае выявления факторов, влияющих на социальные запросы к государству на сокращение неравенства, – степень согласия с высказыванием «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми».

Итоговая модель включает довольно большое число показателей²⁶ (см. таблицу 2 с результатами множественной линейной регрессии с фиктивными переменными): самооценка уровня дохода, образование (либо коррелирующие с ним классы ЕGP-схемы), индекс «Оценка населением вероятности ухудшения своего положения в будущем», индекс «Оценка положения социально уязвимых групп населения», ценность «безопасности» (либо коррелирующая с ней ценность «универсализма»)²⁷. Проведенный регрессионный анализ показал, что построенная модель объясняет на выборке по России около 30% дисперсии ($R^2=0,32$). В расширенные модели помимо перечисленных вошли также объективные показатели реальной ситуации в стране (ИРЧП, индекс Джини, доля социальных расходов в ВВП и др.).

Именно этот набор факторов мы использовали в качестве основного для построения модели детерминации социальных запросов населения к государству в сфере социальной поддержки, которую можно представить в виде следующей зависимости (приведены данные по России)²⁸:

$$\ln Y = 49,82 - 0,18 * Q_1 - 4,57 * Q_2 - 1,36 * Q_3 - 0,29 * Q_4 - 4,59 * Q_5 - 3,61 * Q_6 - 3,26 * Q_7 - 5,60 * Q_8 - 2,84 * Q_9 + 4,36 * Q_{10}$$

где Y – запрос россиян на ответственность государства в сфере социальной поддержки (индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки», абсолютная шкала²⁹),

Q_1 – число лет обучения,

Q_2 – оценка своего уровня дохода – «живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений» (дихотомическая переменная: 1-0),

Q_3 – оценка своего уровня дохода – «этого дохода нам в принципе хватает» (дихотомическая переменная: 1-0),

Q_4 – оценка своего уровня дохода – «жить на такой доход довольно трудно» (дихотомическая переменная: 1-0),

Q_5 – совсем невероятно ухудшение положения респондента в будущем³⁰ (дихотомическая: 1-0),

Q_6 – не очень вероятно ухудшение положения респондента в будущем (дихотомическая: 1-0),

²⁶ Преимущество большой модели состоит в том, что появляется возможность зафиксировать влияние отдельных переменных при контроле максимального количества других переменных.

²⁷ Мы не приводим модели для ценности *универсализма*, но характер влияния этой ценности на запросы к государству такой же, как и для ценности безопасности, хотя сила влияния слабее.

²⁸ Все коэффициенты значимы на 5% уровне значимости. Проверка ограничений модели показала ее состоятельность.

²⁹ Индекс измеряется в шкале от 0 до 10, где 0 – государство вообще не должно брать на себя ответственность за эти социальные функции, 10 – максимальная степень ответственности государства за выполнение этих социальных функций (контрольная группа).

³⁰ Приведены значения индекса «Оценка населением вероятности ухудшения своего положения в будущем».

Q_7 – довольно вероятно ухудшение положения респондента в будущем (дихотомическая: 1-0),

Q_8 – хорошее положение социально уязвимых групп³¹ (дихотомическая: 1-0);

Q_9 – удовлетворительное положение социально уязвимых групп (дихотомическая: 1-0);

Q_{10} – ценность «безопасности».

Таблица 2. **Параметры множественной линейной регрессионной модели, в которой зависимая переменная – индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки» (модель 1)³²**

Параметры	Страны Западной и Центральной Европы, N=16547	Страны Южной и Восточной Европы, N=15151	Выборка всех стран, N=31698	Россия, N=2131
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	-2,34**	-2,46**	-3,22**	-4,57**
Этого дохода нам в принципе хватает	-1,61**	-1,44**	-2,11**	-1,36*
Жить на такой доход довольно трудно	-0,36*	-0,81**	-0,86**	-0,29*
Образование (число лет обучения)	-0,06*	-0,12**	-0,11**	-0,18*
Совсем невероятно ухудшение положения респондента в будущем ³³	-0,92	-3,28**	-3,06**	-4,59**
Не очень вероятно ухудшение положения респондента в будущем	-0,72	-2,46**	-2,72**	-3,61**
Довольно вероятно ухудшение положения респондента в будущем	-0,70	-1,86**	-2,15**	-3,26**
Хорошее положение социально уязвимых групп ³⁴	-2,37**	-3,64**	-3,11**	-5,60**
Удовлетворительное положение социально уязвимых групп	-1,46**	-2,31**	-2,72**	-2,84**
Ценность «безопасности»	1,78**	3,41**	2,46**	4,36**
Константа	39,95**	47,61**	45,74**	49,82**
R^2	0,21	0,27	0,33	0,32

* Коэффициент значим на уровне 0,05.

** Коэффициент значим на уровне 0,01.

Результаты, полученные с помощью построения регрессионных моделей, не только подтверждают выводы, изложенные в предшествующих главах и полученные с использованием других методов, но и способствуют более глубокому

³¹ Приведены значения индекса «Оценка положения социально уязвимых групп населения».

³² Контрольная группа – респонденты, оценивающие свой уровень дохода как «жить на такой доход очень трудно», с низким уровнем образования, оценивающие как очень высокую вероятность ухудшения своего положения в будущем, оценивающие как плохое положение социально уязвимых групп и которым присуща ценность безопасности.

³³ Приведены значения индекса «Оценка населением вероятности ухудшения своего положения в будущем».

³⁴ Приведены значения индекса «Оценка положения социально уязвимых групп населения».

пониманию особенностей социальных запросов россиян. Так, установлено, что структура и характер влияния различных факторов на формирование запроса на социальную ответственность государства за социальную поддержку населения в России и в странах Южной и Восточной Европы полностью совпадают. Главными детерминантами запросов в этих странах являются показатели, отражающие уровень дохода населения и оценки респондентами вероятности ухудшения своего социально-экономического положения в будущем, а также успешность реализации государством своих социальных функций (в частности, оценки респондентами положения социально уязвимых групп населения в их стране). Принадлежность к материально обеспеченным и социально защищенным группам населения в большей степени, чем, например, более высокая позиция в классовой иерархии, повышает вероятность того, что запросы конкретных респондентов на социальную ответственность государства и сокращение неравенства будут ниже. Кроме того, в России достаточно значимыми в формировании социальных запросов оказываются образование и профессиональный статус (а в случае стран Западной и Центральной Европы – еще и классовая принадлежность). Сильное влияние на социальные запросы к государству оказывают ценности безопасности и универсализма. Респонденты, которым присущи эти ценности, предъявляют более высокие требования к социальной ответственности государства.

В целом, модели влияния описанных факторов на социальные запросы населения к государству в России и в странах Западной и Центральной Европы совпадают, но при этом между ними есть и ряд существенных различий. К числу последних, в первую очередь, стоит отнести влияние на эти запросы распространенности опасений относительно ухудшения своего социально-экономического положения в будущем. Мы предполагали, что чем большие риски испытывает население, чем больше оно опасается ухудшения своего материального положения, тем большего оно будет ждать от государства в социальной сфере. Наша гипотеза подтвердилась для России и для стран Южной и Восточной Европы, но – и это что стало для нас неожиданным результатом – была опровергнута для развитых стран Западной и Центральной Европы. В России и в группе стран Южной и Восточной Европы влияние этого фактора самое сильное, оно даже выше, чем влияние дохода. Жителей же государств Западной и Центральной Европы, видимо, отличает от россиян в этом отношении то, что они не испытывают серьезных опасений ухудшения своего социально-экономического положения в случае наступления в их жизни событий, связанных с объективированием соответствующих рисков, что во многом обусловлено развитием систем страхования. Например, в случае безработицы выплаты по страховке позволяют жителям этих стран относительно спокойно пережить этот тяжелый этап в жизни. И поэтому эти опасения не усиливают социальные запросы к государству.

Из рассмотренных нами ценностей наилучшим образом отражает различие между двумя группами стран ценность безопасности, которая гораздо сильнее влияет на формирование запросов к государству в России и группе стран Южной и Восточной Европы, чем в странах Западной и Центральной Европы. Отчасти, несомненно, это связано с большей выраженностью этой ценности в России и в странах Южной и Восточной Европы, где среди других базовых ценностей она является самой распространенной (рисунки 10). В этих странах влияние ценности безопасности в численном выражении соизмеримо с влиянием индекса «Оценка населением вероятности ухудшения своего положения в будущем». Как уже отмечалось выше, это значит, что в России и в соответствующей группе стран не реализована потребность в безопасности, которая относится к базовым витальным потребностям. И, можно предположить, что запрос к государству диктуется в этом случае не нормативными ценностями, а базовыми потребностями в выживании, поскольку если универсализм – это ценность, основанная на нормах, то ценность

безопасности – это, прежде всего, актуализированный страх перед невозможностью успешного выживания. И именно из неуверенности, что государство будет выполнять возложенную на него миссию по социальной поддержке граждан, формируется специфика социальных запросов россиян к государству – требование, по меньшей мере, создать условия для самостоятельного решения своих проблем, в частности, обеспечить возможности занятости (как удачно сформулировал эту мысль один из наших респондентов в ходе глубинных интервью – «если государство нам не помогает, а оно не помогает, то пусть хоть предоставит условия для самостоятельного зарабатывания») (начальник отдела, 34 года, мужчина). Россияне твердо убеждены в том, что государство должно думать об интересах общества, они делегировали ему это право и поэтому оно должно выполнять свои социальные функции. Это нормативное требование – «государство должно». Но так как государство эти функции, по мнению россиян, не выполняет должным образом сейчас и вряд ли можно рассчитывать, что оно станет это делать в обозримом будущем, то в этом случае они ждут от государства предоставления хоть каких-то институциональных возможностей, рычагов для выживания (занятости), чтобы они могли сами решать свои проблемы.

Рисунок 10. Степень выраженности различных блоков ценностей (по Ш. Шварцу) в России и в двух анализируемых группах стран³⁵

³⁵ Приведены процентные доли населения, которым наиболее присущи те или иные ценности. Варианты ответа 1 и 2 в шкале от 1 до 6, где 1 – «ценность выражена в наибольшей мере», а 6 – «ценность совсем не присуща респонденту».

Классовая принадлежность оказывает значимое влияние на социальные запросы только в странах Западной и Центральной Европы, где, в отличие от России, лучше выстроена связь между классовой позицией и принадлежностью к другим группами населения. Например, принадлежность к более высокой классовой позиции задает и принадлежность к группе населения с более высоким доходом, чего нельзя однозначно сказать о России. В менее развитых странах Южной и Восточной Европы, а также в России, классовая принадлежность не детерминирует различий населения в социальных запросах к государству. Это свидетельствует о том, что в этих странах нет разницы ни в материальном положении, ни в культуре, ни в политических взглядах различных классов, то есть в положении разных классов различия настолько незначительные, что даже запросы к социальной политике у них одинаковые. Кроме того, это значит, что в России исторический опыт и система воспитания (поскольку они одинаковы, а не связаны с классовым воспроизводством) тоже не влияют на формирование специфически классового мировоззрения. В итоге и то, что связано с «собственным интересом» (вытекающим из объективного положения разных групп населения), и то, что связано с ценностями этих групп, дают и в России, и в странах Южной и Восточной Европы практически неразличимую картину по разным классам, в то время как в странах Западной и Центральной Европы классовая принадлежность – значимый показатель, хотя и там влияние классовой принадлежности не очень сильное и гораздо слабее чем, например, влияние уровня доходов.

То, как люди оценивают положение социально уязвимых групп населения, также во многом определяет характер и выраженность запросов на социальную поддержку со стороны государства. В отличие от предыдущего случая, этот фактор оказывает значимое влияние в обеих группах стран, а также и в России. Фактически эта переменная отражает эффективность социальной политики государства. Через оценку положения социально уязвимых групп населения респонденты выражают свое отношение к тому, насколько успешно государство реализует свои социальные функции (решает свои социальные задачи). Чем хуже респонденты оценивают социальное положение этих групп населения, тем более высокие требования они предъявляют к государству. Несмотря на общую закономерность для обеих групп стран, существует и отличие – в странах Южной и Восточной Европы, в том числе и в России, этот фактор оказывает немного более сильное влияние, чем уровень дохода, в то время как в более развитых странах Западной и Центральной Европы влияние дохода почти в два раза сильнее. Возможно, это связано с тем, что в России и в странах Южной и Восточной Европы социальные проблемы решаются гораздо хуже. Там, где проблемы решаются лучше и выше уровень достатка людей, индивидуальная ситуация играет относительно меньшую роль. Кроме того, для индивидуальной ситуации достаточно значимыми оказываются те переменные, которые эту ситуацию и определяют, а именно, переменные, связанные с профессиональным статусом, образованием (и – в случае стран Западной и Центральной Европы – с классовой принадлежностью), то есть все, что задает экономический и социальный ресурс индивидов.

Установлено также, что объективные показатели, отражающие социально-экономическую ситуацию в стране, например, уровень ВВП и отношение объема социальных расходов к ВВП, оказывают более слабое влияние на социальные запросы населения, чем факторы, связанные с индивидуальной ситуацией (положением и взглядами) респондентов. В целом, групповая дифференциация населения внутри стран оказалась гораздо более значимой в формировании социальных запросов конкретных людей, чем дифференциация между странами по уровню их экономического и социального развития. Это значит, что хотя более высокий уровень социально-экономического развития и социальных расходов и понижает социальные запросы населения страны к государству, но в то же время не оказывает на эти запросы определяющего влияния.

Отдельно стоит отметить влияние на запросы в сфере социальной поддержки уровня неравенства в стране (коэффициент Джини) и отношение объема социальных расходов к ВВП. Чем глубже уровень неравенства по доходу в стране и ниже объем социальных расходов, тем выше запрос населения на социальную ответственность государства. Очевидно, что в странах, где уровень неравенства ниже, лучше работают механизмы перераспределения средств от более богатых к бедным, и население в меньшей степени требует расширения социальных функций государства. Влияние объема социальных расходов немного сильнее, чем влияние глубины неравенства. В странах с большей долей социальных расходов в ВВП запрос к социальной ответственности государства ниже. Но в целом влияние таких показателей как уровень ВВП, индекс Джини, объем социальных расходов к ВВП гораздо слабее, чем влияние ИРЧП, субъективных показателей уровня дохода и остроты осознания индивидуальных рисков. Очевидно, что это во многом связано с тем, что эти статистические данные не отражают в полной мере нерешенность социальных проблем и уровень жизни населения, в частности, высокий объем социальных расходов не обязательно предполагает эффективность их использования. Кроме того, это говорит нам о том, что групповая идентичность и социально-экономическое положение индивидов играет в детерминации их запросов к государству большую роль, чем показатели макроуровня, характеризующие ситуацию в стране в целом.

В западных исследованиях к числу важных детерминантов социальных запросов к государству относятся также и политические предпочтения. Мы не стали включать их в нашу объяснительную модель как фактор, но, тем не менее, не можем не остановить свое внимание на этом показателе. Если в России политические предпочтения совсем не связаны с запросами на социальную поддержку со стороны государства, то в странах Западной и Центральной Европы эта связь сильна: чем правее политические взгляды населения, тем более низкие запросы оно предъявляет к государству. Исторически так сложилось, начиная с Французской революции, что «левые» защищали интересы народа, а «правые» – интересы буржуа и бизнеса в целом. В настоящее время это разделение по-прежнему прослеживается в большинстве развитых капиталистических стран, что объясняет значимость для них данного фактора. В России же политическая неопределенность лица основных существующих в ней партий не позволяет избирателям голосовать за них исходя из своих социальных запросов, и поэтому данный фактор оказывается абсолютно незначим.

При построении моделей детерминации социального запроса населения к государству на сокращение неравенства по доходу использовался тот же набор факторов, что и для анализа факторов, детерминирующих их запросы на ответственность государства за социальную поддержку населения. На запрос на снижение неравенства в стране в целом влияют те же факторы, что на запрос на степень социальной ответственности государства в поддержке населения, хотя в последнем случае влияние большинства факторов, связанных с «собственным интересом» и оценкой реальной ситуации в стране, чуть сильнее. Это говорит о том, что модель формирования запросов на снижение неравенства в стране гораздо сложнее. Вероятно, что в формировании запросов на снижение неравенства большую роль играют факторы, связанные с культурными особенностями страны, которые мы лишь частично смогли затронуть в нашей работе. Глубина неравенства хотя и усиливает запросы на снижение неравенства по доходам, но эта связь не очень сильная и нелинейная. К тому же не очевидна и связь уровня неравенства, по крайней мере, неравенства по доходу с уровнем социальных расходов государства. Подтверждают это и примеры отдельных стран, например, Великобритании, в которой уровень неравенства довольно высокий, но при этом хорошо развиты социальная поддержка и защита населения.

Заключение

Наше исследование показало, что россиянам присущи довольно высокие запросы на сокращение неравенства и социальную поддержку со стороны государства. Нынешняя глубина неравенства по доходу является нелегитимной в восприятии большинства из них; они не являются сторонниками выравнивания в доходах, но при этом проявляют нетерпимость к чрезмерным проявлениям неравенства и непрозрачности его оснований, то есть для них очень важно, чтобы неравенство, пусть и глубокое, было легитимным. Несмотря на всю остроту проблемы неравенства в России и с учетом ситуации в других странах, население возлагает на государство в вопросах социальной поддержки даже большую ответственность, чем в уменьшении неравенства. Впрочем, такого рода поддержка является одним из важнейших механизмов нивелирования неравенства в стране.

В отличие от развитых стран Западной и Центральной Европы, в представлении россиян государство должно играть относительно большую роль в социальной поддержке и защите населения. Но по сравнению с другими странами со схожим уровнем развития и предоставления социальных услуг, запросы россиян представляются даже несколько заниженными, что не позволяет говорить о патерналистских ожиданиях россиян. Более того, Россия не является уникальной в плане запросов населения к государству страной – она находится по ним в одной группе с такими странами как Венгрия, Израиль, Испания, Украина и Болгария. Большинство экономически более развитых посткоммунистических стран по характеру запросов их населения к степени социальной ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки населения в целом и отдельных его групп не отличаются при этом от таких развитых европейских стран как Великобритания, Германия, Франция и Швеция, т.е. прошлый опыт постсоветских стран перестал оказывать в этом отношении решающую роль.

Высокий запрос россиян на сокращение неравенства и социальную поддержку как населения в целом, так и отдельных его групп связан с остротой этих проблем в стране, поскольку, как показало наше исследование, социальные запросы к государству сильнее выражены там, где объективная ситуация острее. В странах с относительно худшей социально-экономической ситуацией факторы, связанные с материальным положением и социальной защищенностью различных групп населения, оказываются решающими в формировании их запросов к государству. Это видно на примере России и других стран Южной и Восточной Европы: в этих странах ценности хотя и оказывают на формирование запросов их населения к государству заметное влияние, но оно гораздо слабее влияния других групп факторов. И тогда, когда базовые потребности не удовлетворяются, витальные потребности оказываются важнее ценностей. Мировоззренческие факторы ценны, но играют относительно меньшую роль, или отдельные из них усиливаются под влиянием объективных жизненных обстоятельств. В частности, этим объясняется большее влияние на запросы россиян в сфере социальной поддержки ценности безопасности, чем ценности универсализма. Такое сильное влияние ценности безопасности, соизмеримое с влиянием опасений населения относительно ухудшения своего положения, говорит о том, что в России не реализована потребность населения в безопасности. И в этом случае запрос к государству диктуется не нормативными ценностями, а базовыми потребностями. Там, где социальные проблемы успешно решаются и реальная ситуация в стране не так жестко диктует социальные запросы (например, в странах Западной и Центральной Европы особенно – в отношении различного рода социальных рисков), ситуация выглядит иначе и опасения ухудшения своего социально-экономического положения не приводят к повышению соответствующих запросов к государству.

Можно говорить также о ярко выраженном дисбалансе, несоответствии социальных запросов к государству россиян и уровня решенности социальных проблем в стране, что может привести к росту социальной напряженности в обществе в будущем, тем более, что при определении приоритетов расходования немалых средств на социальную поддержку правительство по-прежнему не учитывает представления россиян о том, как именно должна строиться социальная политика государства, что в ней является приоритетным и какие группы в первую очередь нуждаются в помощи. То же относится и к неравенству – важно не столько снижение уровня самого неравенства по доходу, о чем в последнее время на правительственном уровне говорится все чаще, сколько снижение необоснованных и нелегитимных в глазах россиян социальных неравенств в положении отдельных групп населения. Учет запросов россиян потребует проведения широкомасштабных реформ – от реформирования системы предоставления социальной помощи населению с его переориентацией с адресной на категориальную до серьезных реформ в сфере здравоохранения. Повышение доли социальных расходов является необходимым шагом в решении этих проблем, но без повышения эффективности использования выделяемых средств эта мера будет малоэффективной. Об этом свидетельствуют и результаты нашего исследования – хотя доля социальных расходов в ВВП и коэффициент Джини значимо влияют на социальные запросы к государству, но это влияние значительно слабее других факторов, более точно отражающих положение конкретных индивидов и групп населения, а также характер их потребностей в поддержке со стороны государства.

Итак, высокие запросы россиян на снижение неравенства и социальную поддержку со стороны государства, как показал наш анализ, вызваны не просто тяжелым социально-экономическим положением отдельных групп россиян и населения страны в целом, но и объективной невозможностью для многих из них самостоятельно, без помощи государства, решить свои социальные проблемы и улучшить свое материальное положение. А это значит, что социальная политика государства в России не должна ограничиваться только социальной поддержкой населения и помощью наиболее нуждающимся. Социальная политика и социальное обеспечение – далеко не одно и то же. Государство должно не просто помочь человеку «выжить», но и обеспечить институциональные возможности для самостоятельного решения своих проблем и реализации своих способностей.

Литература

- Аврамова Е.М.* (2006) Перспективы социальной политики. О пространстве возможностей реформирования социальной сферы // *Общественные науки и современность*. № 3.
- Бесстремянная Г.Е., Шишкин С.В.* (2005) Доступность медицинской помощи. / Г.Е. Бесстремянная, А.Я. Бурдяк, А.С. Заборовская и др.; рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова // *Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность*. М.: НИСП.
- Бурдяк А.Я., Попова Д.О.* (2007) Причины бедности семей с детьми (по результатам исследования домохозяйств Ленинградской области) // *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. № 6.
- Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность* (2005). Коллективная монография / Рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Зубаревич Н.В.* (2010) Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики.
- Муздыбаев К.* (2001) Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // *Социологический журнал*. № 1.

- Овчарова Л.Н. (2009) Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2005) Детская бедность в России: тревожные тенденции и выбор стратегических действий. Доклад ЮНИСЕФ. М.: ЮНИСЕФ.
- Положение детей в Российской Федерации. Итоги социальной политики 1990-х годов и перспективы (2003) / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир».
- Римашевская Н.М., Кислицына О.А. (1999) Доходы и сбережения пенсионеров // Народно-население. № 3–4.
- Синяевская О.В. (2006) Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 4.
- Социальные неравенства и социальная политика в современной России (2008) / Отв.ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Наука.
- Суворов А.В. (2004) Структура денежных доходов и расходов населения в современной России. Проблемы прогнозирования. М.
- Тихонова Н.Е. (2006) Куда ведет коридор? (О социальной политике с позиции общественного мнения) // Общественные науки и современность. № 3.
- Тихонова Н.Е. (2006) Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях // Социологические исследования. № 12.
- Шишкин С.В., Бустряк А.Я., Селезнева Е.В. (2008) Различия в доступности медицинской помощи для населения России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 8.
- Шкаратан О.И. (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: «Олма Медиа Групп».
- Шкаратан О.И. (2006) Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ / О.И. Шкаратан, В.И. Ильин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Щепин О.П. (2006) Современные подходы к управлению медицинской помощью на региональном уровне. М.
- Якобсон Л.И. (2006) Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность. № 2.
- Alwin D., Gornev G., Khakhulina L. (1995) Comparative Referential Structures, System Legitimacy, and Justice Sentiments. // In: Kluegel, J. R. et al. (Eds), Social Justice and Political Change. New York: Aldine De Gruyter.
- Bean C., Papadakis E. (1998) A Comparison of Mass Attitudes Towards the Welfare State in Different Institutional Regimes, 1985–1990 / International Journal of Public Opinion Research. № 10(3).
- Cook F.L., Barrett E.J. (1992) Support for the American Welfare State. New York: Columbia University Press.
- Coughlin R. (1980) Ideology, Public Opinion and Welfare Policy: Attitudes towards Taxes and Spending in Industrialized Societies, Institute of International Studies. Berkeley.
- Domanski H., Heyns B. (1995) Toward a Theory of the Role of the State in Market Transition: From Bargaining to Markets in Post-Communism // European Journal of Sociology (Archives Européennes de Sociologie) № 36.
- Inglehart R. (1997) Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press.
- Jowell R. (1998) How Comparative is Comparative Research? // American Behavioural Scientist. Vol. 42, № 2.
- Kaase M., Newton K. (1995) Beliefs in Government. Vol. 5. Oxford University Press, New York.
- Larsen C.A. (2008) The Institutional Logic of Welfare Attitudes: How Welfare Regimes Influence Public Support // Comparative Political Studies. Vol. 41, № 2.
- Mason D. (1995) Attitudes toward the Market and Political Participation in the Postcommunist States. // Slavic Review. Vol. 54, № 2.

-
- Panayotova E.* (2001) Stratification Beliefs and Support for the Welfare State: A Cross-National Analysis of Determinants of Public Attitudes Towards Government Policies (A Dissertation submitted on the 20th day of September, 2001 to the Department of Sociology of the graduate school of Tulane University).
- Shapiro R., Young J.* (1989) Public Opinion and the Welfare State: The United States in Comparative Perspective // *Political Science Quarterly*. № 104.
- Social justice, legitimacy and the welfare state (2007). London: Ashgate Publishing.
- Taylor-Gooby P.* (1985) Public Opinion, Ideology and Welfare State. Londres: Routledge and Kegan Paul.